

ВРЕМЯ ВЫБИРАТЬ **(к методологии анализа концепции** **нового витка социального развития)**

***Аннотация.** Современное развитие человечества жестко привязано к двум факторам: реальным трансформационным процессам социума и их отражениям в представлениях исследователей, политиков и экономистов. Также имеется два трансформационных процесса объективной и субъективной реальностей. Соответственно — два мировоззрения и, по экспоненте, два доктринальных концепта. Описание процесса социальной трансформации и его следствий, отраженных в научных описаниях и входящих в социальную практику, и составляет предметную сторону данной статьи.*

Главный фактор заключается в сознательном выборе гражданской и исследовательской позиции, исходя из объективной стороны реальности и необходимости в границах суверенности государственного развития защиты социально-экономических интересов суверена, — российского народа.

***Ключевые слова:** социальная трансформация, способ производства, социально-экономическая формация, индустриализм, цивилизация, труд, капитал.*

IT'S TIME TO CHOOSE **(on the methodology for analyzing** **the concept of a new round social development)**

***Abstract.** The modern development of humanity today is rigidly tied to two factors: the real transformation processes of society and the reflection of this process in the ideas of researchers, politicians, and economists. We have two transformational processes, objective, and subjective realities. Accordingly, there are two worldviews and exponentially two doctrinal concepts.*

The description of the process of social transformation and its consequences, reflected in scientific descriptions and included in social practice, forms the subject side of the article. The main factor lies in the conscious choice of a civic and research position, based on the objective side of reality and the need to protect the socio-economic interests of the sovereign, the Russian people, within the boundaries of the sovereignty of state development.

***Keywords:** social transformation, mode of production, socio-economic formation, industrialism, civilization, labor, capital.*

Есть времена и времена. В одни из них люди выстраивают систему отношений, исходя из сложившихся традиций, руководствуясь при этом имеющимися духовными устоями, в другие — создают эти самые ценности и определяющуюся ими всю полную систему общественных отношений.

Вопросы, происходящие в отмеченных исторических форматах и социальных контекстах традиционного и индустриального обществ, давно изучены. Существовало и существует несколько подходов, которые устоялись и заняли свою нишу в архиве, хотя и действующем, но соответствующих отраслей знания. Центральное место во всех позиционируемых чертежах конструкции социума занимает вопрос о власти; или в ином измерении — о ее пропорциональности в системах гражданского и политического строя, — двух сторон любого общественного устройства.

Однако время от времени и особенно в периоды, связанные с частичной или кардинальной ломкой системы общественных отношений и фрустрации общественного сознания, каждый раз проблема государства и пропорций взаимодействия политического и социального ресурсов появляется на поверхности систем правового и социального знания и ставит многоточие там, где большинство исследователей уже поставило точку.

В данном случае, когда мы имеем дело с современностью, а точнее, с постсовременностью, если иметь в виду закономерности истории и тренды планетарного глобального развития, историю и этимологию как событийного, так и категориального рядов можно пропустить. В том, что человечество вступило в переходный период, сейчас мало кто сомневается. Об этом свидетельствуют три главных параметра исторической динамики: скорость перемен, их глубина и географические масштабы [1, с. 338].

Стремительно и болезненно, в обстановке острейшего кризиса, который не обошел ни одной стороны жизни общества, меняется все привычное, устоявшееся, и в муках рождается новое общество [2, с. 11–27]. Понятно, что эти перемены вышли далеко за рамки, говоря на языке теории сложных систем, текущих флуктуаций и среднесрочных циклов, которые с постоянной регулярностью потрясают страны и континенты. И, таким образом, переживаемый исторический период характеризуется рядом качественных особенностей.

Во-первых, технические (индустриальные) технологии, сложившиеся в качестве основ современных обществ, независимо от их социального статуса и идеологической направленности, позволяют говорить об их тупиковости. Политические системы развитых стран уже ощущают на себе давление вызова со стороны окружающей среды; сейчас активно протекает стадия конверсии, но — и это факт — выход из данного состояния системы в ответ на вызов будет по своему характеру инновационным, по содержанию — революционным, по форме — примет вид цивилизационного сдвига.

Во-вторых, фактически всё XX столетие является конверсией по отношению к требованию привести в соответствие объективные основания

общественных систем с конкретными формами социально-экономической структуры и политической организации конкретных социальных общностей. Речь идет о том, что подходит к концу, завершается второй большой цикл развития человеческого сообщества; цикл, основными формами проявления которого являлись отчужденные, превращенные формы человеческого бытия [3, с. 212].

С этих позиций отчетливо видна конвергентность формационных признаков развития мировых цивилизаций, различных, доходящих иногда на фоне человеческой истории, в видимости, до антагонизма, и форм политического процесса. Следовательно, если поставить вопрос о возможности цивилизационных сдвигов в современных конкретно-исторических условиях, то ответ на него будет положительным. Его действительное содержание заключается уже не столько в том, происходят ли они на самом деле, сколько в том, какие конкретные формы их проявления принимают в общественной практике, и кто в качестве исторического лидера поведет мировое сообщество к действительной реализации общечеловеческих идеалов.

История практически определила весь этот набор путей и форм общественного движения: развитие, стагнация, движение по кругу. Поскольку в любом из представимых сценариев реальная история творится здесь и сейчас — именно в современном строе жизнедеятельности и мышления, то нас будет интересовать только первая составляющая арсенала социального движения — развитие.

Начальной и конечной фазе процесса структурного цикла соответствует период фазового перехода. Интересно остановить свое внимание на его характерных чертах.

Это — присутствие внешнего воздействия или предельного внутреннего антагонизма, хаотическое движение элементов и их множеств, включение механизмов действия законов системы более высокого уровня структурной организации, элементом которой является вся изменяющаяся система, наличие точки бифуркации, признаком которой выступает определяющее воздействие именно внешней системы, при параличе внутренней «свободы выбора» элементов ядра. Причем, что представляется бесспорным, действие законов более сложной системы в границах данной системы проявляется через структуру и функции последней — самой эквипотенциальной системы. Таким образом, весь фазовый переход представляет собой цикл от проявления первичного возмущения, через его нейтрализацию в прежнем или новом равновесии, до проявления действия волны нового возмущения.

Уникальность этого процесса в человеческих сообществах заключается в том, что объективные законы природы и общества, отражаясь в мировоззрении людей, также отражают либо прошлое, либо будущее.

В первом случае зоной притяжения становится целеполагание из прошлого в образе «золотого века»; во втором — аттрактор формируется полем Великой утопии, говоря современным языком, ядром формирования

наличного бытия системы более высокого уровня структурной организации, не «проходящей» барьер научного осознания, но содержащей в своем информационном поле принципы и начала той новой системы, процесс развертывания которой в качестве логического и станет содержанием реального исторического процесса переходного периода.

В случае социального развития вполне правомерно говорить о том, что они проявляются именно и только через деятельность людей, причем вне прямой зависимости от того, осознанный характер имеет деятельность или нет. Разделение общественного труда и отношение к собственности превращают хаос индивидуальных устремлений переходного периода в структуру групповых интересов, стремящихся к полюсам притяжения как борющихся между собой сторон социального противоречия, вызвавшего к жизни кризис системы, так и к ядрам структур основания, которые определяют содержание и характер новой системы.

Положение усугубляется тем, что, наряду с борьбой отмеченных общих законов в процессе перехода, наблюдается умножение противоречий действия законов функционирования данной системы и ее подсистем, таких, как экономическая, социальная, политическая. Затрагивая самые существенные интересы групп, они приобретают идеологический характер, который в отличие от естественных природных процессов может принимать форму абсолютного антагонизма.

Мы говорим о предельно абсолютизированных формах института государства. Фактом, достойным серьезного научного исследования, выступает не его форма или проявления, а то, что формы государства, стремящиеся к предельной абсолютизации, появляются силой исторического закона в строго определенное историческое время. Таким временем является переходный период. В качестве достоверного эмпирического обобщения можно утверждать, что начало и конец любой конкретной формы социальной общности совпадают с появлением абсолютного государства¹.

В общем случае представляется возможным зафиксировать, что такие феномены социальной практики, как тоталитаризм, закрытое общество или абсолютизм, не являются субъективным произволом личности или идеологии, — это факты, свидетельствующие о вхождении данной системы в границы переходного периода². В исторической практике данное предположение под-

¹ Конечно, применение положений данного эмпирического обобщения выходит далеко за пределы конкретных социальных форм. Но мы выделили в качестве основного предмета изучения в данной работе социум, что оправдывает сужение поля исследования. На проблему вселенской церкви и государства-куколки обратил внимание уже А. Дж. Тойнби, а роль мировых религий и империй исследованы К. Ясперсом и Л.Н. Гумилевым. Но границы рассмотрения первого автора предельно широки, а исследовательская позиция остальных ограничена конкретными уровнями структурной организации. Современное состояние научного знания позволяет свести их представления в единую систему и расширить философское понимание происходящих в социуме процессов до действительного синтеза знания.

² Скорее, наоборот, те формы и размеры, которые проявляются в «злой воле», могут указывать на степень соответствия субъективных предпочтений человеческого выбора с объективным вектором направления процесса перемен, происходящих в социуме.

тверждается процессами становления и распада «мировых империй» на цивилизационном уровне, образованием и исчезновением идеократий Древнего Египта, абсолютных монархий границы Средних веков и Нового времени, наличием идеологических и теократических государств в современности.

Всеобщий характер процесса качественных перемен, который охватил сегодня весь ареал индустриальных цивилизаций, подтверждается появлением идеологических государств, как в либеральных системах, так и в плановых обществах советского типа. Проблема не в содержании идеологии, а в том, что современный мир вошел в полосу перехода к иному уровню структурной организации³.

В нашем обширном и разнообразном мире в действительности нет ничего случайного. Как бы ни претендовали отдельные вероучения и методологии на историческую пальму первенства, но система отсчета современного мира идет от Рождества Христова. Поразительно, но с нашей точки зрения это представляется абсолютно верным, и вот почему.

Мы уже выделяли в качестве основополагающих моментов становления цивилизации или формации, как одного из ее структурных уровней, утопию и государство. К ним необходимо теперь добавить и такое понятие, как «азиатский способ производства», то есть, на самом деле, внеэкономический метод ведения хозяйства, основанный на силе власти государства, а не корпоративной силе суммарного вектора экономического интереса гражданского общества. И тогда именно три этих составляющих — Великая утопия, абсолютное государство и внеэкономическое принуждение — предстают перед нами в качестве главных параметров и индикативных признаков наличия переходного периода.

Мы утверждаем, что в качестве информационной матрицы процесса глобального перехода от доиндустриальных сообществ к постиндустриальному структурному уровню единого человечества в реальности выступает Великая утопия христианства. Так же как она определила всё духовное и нравственное содержание индустриальной цивилизации, точно также нарастающая степень девиантности социальной практики и нравственно-духовных начал

³ В данном контексте интересно то, что, если взглянуть на историю индустриальной цивилизации, особенно на период формирования ее высшей общественно-экономической формации — классического капитализма, становится предельно ясно, что определить генеральную линию процесса перемен, вектор структурных преобразований не составляет большого труда. Пульсация перемен начинается с распада абсолютизма, когда сформировался капитализм. Т. Мор, Т. Кампанелла сумели уловить ее тенденции. К. Маркс сформировал научные основы Великой утопии, США и СССР выступили пионерами новой социальной практики. Собственно говоря, ленинский план построения социализма и новый курс Ф.Д. Рузвельта в идеологии представляют собой действие принципа дополнительности, а на практике являются двумя вариантами развертывания логики именно переходного периода. Подчеркнем, что не процесса складывания принципиально иного структурного уровня, а создания условий для возможности его осуществления. От того, насколько глубоко может быть осознано данное обстоятельство, зависит будущее, точнее, его конкретные варианты. Ибо, к сожалению, цикличность истории позволяет иметь в виду, что иное будущее легко обратимо в прошлое. Причем с реальной возможностью того, что на новой исторической сцене появятся новые участники.

христианства свидетельствует об исчерпанности ресурсов индустриализма как способа их реализации.

Великой утопией перехода от докапиталистических формаций к коммунистическим принципам стала — соответственно уровню развития социума в форме науки — марксистская теория исторического материализма. И аналогично первому процессу отклоняющая социальная практика свидетельствует не о крахе марксизма как мировоззрения, а об исчерпанности возможностей той формы структурной организации, которая в современных условиях выступает ее материальной оболочкой.

Речь о том, что и транснациональный корпоративный империализм США и абсолютная власть государственно-социалистического монополизма в СССР не могут, в силу господства завершенных структур кооперации труда при подавлении импульса к его разделению, обеспечить полноправное развитие действия новых оснований общественной жизнедеятельности. Тем более, что обеспечивать приходится не отдельный интерес локальной цивилизации или национальный (также взятый отдельно) интерес. Императив прорыва в будущее — обеспечение возможности проявления действия законов единого человечества на основе универсального характера действия универсальных законов окружающей природы.

* * *

Итак, хронологически христианство обеспечивает логику развития исторического процесса в полном объеме до Нового времени на паритетных с наукой принципах до настоящего момента, но его влияние в качестве Великой утопии подрывается не столько атеизмом науки, сколько прагматизмом протестантской этики труда, которая, сохраняя форму божественности, искореняет из социальной практики ее дух, становясь, по образному выражению Ф. Ницше, действительным антихристианством.

С этого момента голая корысть экономического интереса превращает мир капитализма в бездуховное материальное образование, аморальность которого, свидетельствуя о полной исчерпанности для западной цивилизации потенциала Великой утопии, проявлена в бомбардировках Ирака и Югославии, Ливии и Сирии, фашизации Украины, попрании всех мыслимых норм международной политики и десяти Божественных заповедей.

Проявление в технике, технологии, процессах разделения труда и конкретных формах, основанных на отношении к господствующей форме собственности общности людей, новых элементов социальной практики нашло свое выражение в развитии форм общественного сознания. Религиозная форма информационного поля, заложенного в христианстве, не могла в полной мере отражать потребности инновационных процессов, в основу которых был положен принцип научного рационального знания. И парадоксально, но факт, — эстафету принципов христианства подхватывает не новая форма религии, а атеистическое, но предельно гуманное учение марксизма.

Его появление в середине XIX века ознаменовало собой факт вхождения индустриализма и его высшей стадии, капиталистической общественно-экономической формации, в полосу качественного изменения⁴. «Последствия промышленной революции породили новые идеологии XX века, и точно так же будущие революции в биотехнологиях и ИТ, скорее всего, потребуют формирования нового мировоззрения. Поэтому следующие десятилетия могут ознаменоваться переоценкой ценностей и возникновением новых социальных и политических моделей» [4]. Еще одним свидетельством последнего утверждения может стать анализ соотношения категорий, описывающих процесс труда, формы собственности и конкретные формы социальной структуры.

Если преодолению первоначального индивидуального хаоса общественных движений в период становления формации соответствует доминанта разделения труда, которая образует равновесие с формами трудовой кооперации в период расцвета, то при преобладании нисходящей тенденции примат принадлежит именно процессу кристаллизации форм кооперации сложившихся в обществе форм трудовой деятельности. Хаос индивидов сменяется хаотическим движением корпоративных интересов, основным вектором которых выступает стремление к автаркии и замкнутости. А если помнить о том, что единственной возможной завершённой корпорацией в гражданском обществе может быть только само государство, то понятно, что инстинкт социального самосохранения в процессе перемен неизбежно приводит к усилению властных функций последнего.

В то же самое время пик расцвета любой общественной формации совпадает с максимально допустимым процессом социальной диффузии господствующей в данном социуме формы собственности. Применительно к индустриализму речь о таком расцвете может идти только при исследовании классического капитализма, в условиях которого частная собственность в приватной форме и стала действительным основанием становления такого социального феномена, как гражданское общество, имеющее правомерность употребления только в контексте субъектов такого общества, — подавляющего большинства частных собственников.

⁴ Данное обстоятельство позволяет говорить о реальном прогнозе, по крайней мере, в плане теории, что новая Великая утопия, если человечеству суждено пройти барьер бифуркации и выжить, появится не в форме новой, нетрадиционной религии, но и не как новая рациональная научная парадигма. Процесс перемен, происходящий на уровнях природы, биологии и интеллекта, даст синтетическую форму трех этих составляющих. Материализм, как шкала познаваемости всех процессов окружающей нас действительности, дополнится пониманием многослойности организации состояний и уровней материального мира, триединства основных коммуникаций. Интеллект станет функционировать преимущественно на основе духовных, а не только предметных вещественных интересов, и, таким образом, новая Великая утопия соединит в себе возможности веры, основанной на строгом знании, и знания, содержанием которых будет нравственный императив, имеющий отношение не только к внутреннему миру человека, но и ко всей природе. Большую роль в этом процессе, по нашему глубокому убеждению, сыграет переход к правополушарной доминанте мышления и практики. Конкретное содержание утопии можно угадать, но сейчас это не представляется темой исследования.

Переход к монополизации собственности в границах империализма, вплоть до акционерных обществ и транснациональных корпораций; и в форме предельного огосударствления собственности в советском варианте, — это опять-таки суть индикатор того, что процесс изменения вышел далеко за границы капитализма. Но лишь в последнее время, с исчерпанием ресурсов самой индустриальной цивилизации, он распространился и за ее пределы.

Наконец, именно стремление любых форм кооперации, выступающих как бы таксонометрическими единицами системы, в основании которой лежит такая специфическая форма взаимодействия как труд, определит отмеченную еще П.Д. Успенским тенденцию общественной структуры к кастовости. То есть, иерархия структурных уровней будет стремиться зафиксировать функциональное распределение ресурсов и результатов общественного труда как абсолютную данность. А продолжится ли эта тенденция в направлении биологии вплоть до идеологических обоснований расизма или выльется в сугубо социальные формы, зависит от того, какое основание определит и субъективное восприятие, и социальную практику властвующих элит⁵. Таким образом, представляется, что вывод о переходном характере современной эпохи, по крайней мере, на уровне сообществ, находящихся в полосе социального развития, не подлежит фальсификации⁶.

⁵ В данном случае практически не приходится уповать на разум. Мы категорически не согласны с утверждением Е.Н. Мельниковой о виртуальном будущем чистого интеллекта. Этот опыт уже отработан гностиками Древнего Рима. В подобных обстоятельствах, помогая понять логику происходящих процессов, разум сам выступает лишь как стрелка измерительного прибора, позволяющего выбрать перспективное направление. Основанием же для решения, способного ответить на вызов перемен в полном объеме, может стать категория, отражающая качественный параметр структурной организации эквипотенциальной системы более высокого уровня структурной организации, — духовность. Именно обязательное присутствие информационного импульса нового нравственного императива позволит овладеть ситуацией и из объекта процесса перемен, в отличие от мимикрии тоффлеровского образца, стать субъектом, способным сознательно созидать новый уровень.

⁶ Представляется важным обратить внимание на следующие особенности как самого характера переходного периода, так и на отличия его проявления в зонах сообществ, располагающихся на разных уровнях структурной организации. Первое замечание заключается в кумулятивности происходящего в социальном поле процесса перемен. Имеется в виду, что практически одновременно происходят три фазовых перехода. Во-первых, завершается грандиозный суперцикл, связанный с отношениями человечества и окружающей среды. Метаболизм замещается на информационный обмен. Во-вторых, в границах этого перехода при исчерпании ресурсов индустриальных технологий происходит изменение цивилизационного цикла в направлении складывания единого цивилизационного поля в качестве материальной основы структурной организации человеческих сообществ на принципиально иной основе. В-третьих, близка к завершению сама социальная форма движения материи, что предполагает переход от формационной к иной системе отсчета последующих конкретных форм структурной организации сообществ уже в поле несоциальных отношений и постиндустриальных технологий.

Вторая часть замечаний связана с тем, что не все имеющие место в современности человеческие сообщества находятся на одном «этаже» пирамиды структурной организации. Так, значительная часть народов Азии, Африки и Латинской Америки еще не исчерпали потенциала предшествующего социального уровня господства этнических отношений; Западная Европа находится в стадии одновременного угасания этнического и социального; и только США и страны постсоветского региона несут в себе, правда с различными основаниями и векторами аттракторов движения, заряд ответа на исторический вызов трех совмещенных циклов практически в полном объеме. Не учитывать этого обстоятельства при анализе общего контекста современности, значит, пытаться говорить на разных языках без услуг переводчика. Тем более, что не только язык отношений, но и ментальность разных уровней принципиально различна.

* * *

В условиях изменяющихся параметров материальной составляющей цивилизации, таких как тело труда, предмет труда, средства труда и самого способа производства в двух его сторонах — капитале и труде, — как изменяется система коммуникаций, в том числе производственных, так могут быть соотнесены и понятия деятельности, производства и труда.

Чтобы не уводить внимание в количественную сторону, изменения материального фактора производственных процессов обозначим своего рода штрихами. Так, сегодня уже свыше 95 процентов циркулирующих в мире денег носят чисто информационную природу и являются, по сути, «глобализационными» деньгами. Это стало возможным благодаря тому, что резко увеличилась информационно-финансовая емкость времени, поскольку «длительность сделки» сократилась сначала до предела физиологических возможностей человека, то есть до секунд, а затем и вышла за эти пределы, занимая милли- и даже микросекунды.

В постоянных ценах 1970 года, то есть с поправкой на инфляцию, показатель МВП (мирового валового продукта) составлял 7,287 трлн долларов в 1994 году и 13,487 трлн долларов в 2016 году, то есть отмечался рост в 1,85 раза. За тот же период население нашей планеты возросло с 5,613 до 7,398 млрд человек, или в 1,32 раза. Однако общий объем «мировых денег» (агрегат L) за тот же период вырос более чем в 40 раз; объем производимой за год информации — более чем в 2000 раз; а объем хранимой информации — более чем в 20 тысяч раз.

Системы распределенного реестра, блокчейн-технологии, являясь базой для различных «криптовалют», непрерывно увеличивают оборот последних, который уже превысил планку в 150 млрд долларов, что сопоставимо с годовым ВВП таких стран, как Болгария или Новая Зеландия [5, с. 129, 133].

Нейротехнологии и системы искусственного интеллекта делают возможным осуществлять автоматический перевод текстов, создавать беспилотные автомобили и виртуальных коммуникаторов. Кроме того, они успешно используются в системах безопасности и логистики. Технологии виртуальной и измененной реальностей используются не только в развлекательных, но и в иных целях, в том числе в промышленном шпионаже. Что касается квантовых технологий, то связанные с ними возможности явно не ограничиваются квантовой компьютеризацией, что, собственно, и стало поводом включить их в число «цифровых», но они способны, условно говоря, встроить существование человечества в новые измерения.

С точки зрения такой интерпретации способа производства наличие большинства представителей современного человечества не является

Так что, помимо понятийного соответствия, политология нуждается и в изменении некоторых парадигм модальности методологии как субъективной точки отсчета в процессе формирования объективного содержания исследовательской позиции.

оправданным. Необходимый для существования всех людей объем товаров и услуг может быть обеспечен всего лишь несколькими сотнями миллионов работников. При этом, если они не будут потреблять производимые товары и услуги, производство должно стать еще меньше. А система оплаты новых видов наемных работников и самозанятых, таких как прекариат или фрилансеры, не может уже сегодня реально быть обеспеченной. И это несмотря на рост денег в мире, но денег «пустых».

Но, как и прежде, целью человеческой жизни провозглашается достижение богатства как эквивалента свободы потребления, а целью экономики, соответственно, — получение максимально возможных доходов и прибыли. При этом понятие «экономика», как и категории «производство» и «способ производства», открыто фальсифицируется. Способ производства раскрывает характер того, что, как и для кого производится в социуме. Но существует два варианта организации производства, — это рыночное ведение хозяйства и планомерно-развивающееся народное хозяйство.

Понятие «капитал» и «труд» — категории, которые относятся только к первому варианту. Но сегодня даже в нашей стране, имеющей славные страницы социалистического прошлого, данное суждение не берется в расчет. Заметим, что полтора миллиарда населения Китая, хозяйственные системы Кубы, Вьетнама и Северной Кореи делают актуальным и второй вариант. Только направленная деятельность по созданию материальных и идеальных продуктов для удовлетворения посредством рынка в товарной форме человеческих потребностей носит характер труда. Но сам по себе процесс труда, как и организационное строение капитала не гарантирует, ни производства, ни потребления.

Современная экономическая теория, не говоря уже про экономическую практику, исключает из понятия «производство» все аспекты человеческой деятельности, не имеющие статуса производственных и трудовых, но тем не менее способные сильно влиять на процессы производства-потребления. В свою очередь, это приводит к «расчеловечиванию» всего технологического процесса производства, переживающего стадию становления.

Допустим, что в целом в становящейся постсовременности продолжает действовать закон, согласно которому капитал развивается как стоимость, производящая стоимость. Вместе с тем, современные производительные силы, такие как цифровизация, возможности искусственного интеллекта, биг-дата, блокчейн, 3D-принтер (аддитивное производство) и так далее, — способствуют не только эффективному самовозрастанию стоимости, но и ее качественной трансформации.

Источником прибавочной стоимости являются два фактора. Первый, это рынок, без которого не существует такая категория экономических отношений, как товар. Товарность производственных отношений — это условие возможности существования категорий стоимости и прибавочной стоимости. Второй фактор — необходимость наличия в качестве товара рабочей силы,

вне эксплуатации которой извлечение прибавочной стоимости невозможно. Таким образом, формирование прибавочной стоимости как движитель самовозрастания стоимости, то есть капитализации процесса производства, зиждется на двух характеристиках одного феномена. И это не капитал.

Процесс капиталистического и посткапиталистического в любом из мыслимых вариантов производства определяется в конечном счете двумя сторонами специфического товара — рабочей силы. С одной стороны, ее стоимость — это издержка, и она в силу закона возвышения потребностей замедляет возрастание капитала. С другой стороны, разница затраченного количества труда и стоимости рабочей силы составляет единственный на сегодняшний день реальный источник капитала⁷.

Анализ современных развитых экономик мира в этой сфере свидетельствует о следующем. Происходят и количественные, и качественные изменения, как в процессе формирования и функционирования капитала, так и в состоянии и перспективах развития труда. Римский клуб, К. Шваб и вся мировая закулиса, вводя в оборот термин «инклюзивный капитализм», на самом деле фиксируют факт завершения капиталистической общественно-экономической формации, впервые открыто признав его экономическую и идеологическую феноменологию. На самом деле при реализации посткапиталистического будущего возможны только два сценарии.

Раз гео- и биосфера планеты Земля являются закрытой для населяющих ее жителей системой, то глобализация фактически привела наряду с монополией ТНК к исчезновению материальных оснований процессов капитализации и уничтожению эффективности рыночной экономики, да и ее самой. Если капитал не станет новой производительной силой социума, то перейдя границы качественной определенности способа производства, он разрушит современность.

* * *

Два пути в будущее с точки зрения возможных способов производства, это новое цифровое рабовладение или социализация экономических отношений в параметрах планового ведения планетарного хозяйства. Маркер определен, но нюансов национально-государственных, ментальных или традиционных методик достаточно, чтобы логически универсальный путь не стал шаблоном, а лишь стартовой площадкой для человеческого творчества. Но уже в настоящее время предельно ясно, что в единстве и противоречии труда и капитала до тех пор, пока труд будет востребован и не станет опредмеченной вариативной творческой деятельностью людей, ведущим основанием в способе производства будет именно он.

⁷ Речь не идет о нарративах и мнимых виртуальных имитациях реального капитала. Это — игры «экономики казино», как и финансовые пузыри — игра людей, а не экономик, и они в перспективе обречены по всему фронту науки и производства.

Вместе с тем, и этот вопрос представляется для мировидения предельно важным, стратегия социального государства не есть тождество социального порядка. Государство в его правовом статусе выступает базовым условием как сохранности и выживаемости целого — самого социума, так и благополучия и достойной жизни членов гражданского общества, личностей, его составляющих. Не государство сильно процветанием его граждан, а, напротив, такое процветание возможно только тогда, когда государство адекватно формирует для этого процесса системные и организационные возможности.

Стало модным говорить о народном капитализме, всеобщем государстве и, как следствие, безусловном базовом доходе. По этому поводу идут дискуссии; масса исследователей и общественных активистов требуют апробации, но не замечают главного, — ответа на вопрос, кому выгодны предлагаемые в массовом доступе решения социальных и экономических проблем такого плана. Рассмотрим данное видение постсовременности на конкретном примере.

В одной из своих работ Ю.Л. Ткаченко приводит следующее концептуальное определение соотношения объемов понятий основных категорий социологии и политологии — государства, ссылаясь на высказывание А.Н. Власова: «Установление гражданам конституционного статуса соучредителей государства в составе гражданского общества, совладельцев неделимой общегосударственной собственности, которая в соответствии с законом будет записываться на имя гражданина с момента государственной регистрации его рождения, увеличиваться в прямой зависимости от его трудового участия в приращении общегосударственной собственности, его особых заслуг перед обществом и государством, с пожизненной выплатой дивидендов в установленных процентах и конституционной процедуры участия граждан в управлении делами государства посредством образования многомиллионного государственно-общественного общегражданского Совета, имеющего свои первичные сельские, поселковые, районные, городские, областные, краевые, республиканские территориальные и производственные органы» [6].

По мнению Ткачева, данная формула — юридически безупречна, строго конституционна, полностью соответствует принципам права и универсальна. При этом ключевой идеей концепции является вывод о том, что учреждение государства — не политическая, а исключительно юридическая процедура⁸. Следовательно, в данном тезисе констатируется, что граждане в составе гражданского общества фактически являются соучредителями государства. Значит, они, являясь соучредителями государства, автоматически становятся совладельцами неделимой общегосударственной собственности

⁸ Ю.Л. Ткачев считает, что Общегражданский Совет образуется миллионами конституционно-полномочных граждан как конституционное образование, а не как политическое движение, создаваемое не обладающими конституционной правосубъектностью и потому фактически и юридически бесправными общественными организациями, любыми их коалициями и политическими партиями.

и конституционно являются участниками процесса управления делами государства. Гарантом Конституции при этом выступает орган, ее принявший — то есть граждане в составе многомиллионного общественно-государственного Совета.

Показательно не то, что концепции общественного договора — несколько столетий, а идея базового гражданского дохода уже несколько лет как перешла из потенциального состояния европейской мысли в юридическую практику. В Швейцарии по данному поводу даже был проведен народный референдум, ответ на котором был отрицательным. Важно то, что с позиций социальной философии, теории государства и права, политэкономии и даже формальной логики эти утверждения являются неверными по существу.

Граждане с юридической точки зрения не могут быть соучредителями системы, которая является не объектом, а условием их общей жизнедеятельности. Введение понятия «соучредитель» вносит в содержание государства возможность его расчленения на основе отчуждения в пользу соучредителя или ассоциации соучредителей. Введение понятие «сособственник» приводит к усилению ложного основания капиталистической системы. Согласно политэкономическим исследованиям, в частности работам В. Ойкена и Р. Хайлбронера, три феномена не могут быть товарами по определению: земля, труд и деньги. «Именно фундаментализм финансового капитала и привел к краху капиталистической системы», — об этом давно говорили представители Римского клуба, а сегодня вслух рассуждает мировая экономическая элита [7].

С объективно-научной политэкономической точки зрения важно то, что введение сособственников и базового национального дохода предполагает априори товарность не только земли, но и суверенитета государства, поскольку субъектность такого образования на мировой карте будет представлять не аппарат власти — политической, экономической и военной, а ассоциация «держателей акций государства», миноритариев персонально в миллионном исчислении⁹.

Не только обсуждая, но даже обдумывая вопросы такого уровня, специалистам различных отраслей знания необходимо представлять, что вызов со стороны природы или общества подготовлен прежде всего объективным ходом исторического развития, экономики, политики, идеологии, права; при этом право занимает в списке причинности одно из последних мест как наиболее отчужденная сторона общественного сознания.

Выбор же со стороны тех людей, которые будут так или иначе отвечать на исторический вызов, в силу человеческих качеств предельно субъективен. Не понимая этого, мы сущность заменяем проявлением, содержание

⁹ Природную ренту человек должен платить Земле, восстанавливая ее ресурсы, совершенствуя биосферное и ландшафтное равновесие. Земля — условие, причем решающее, в самом факте существования человечества. Те, кто думают иначе, способствуют исчезновению нас как одного из биологических видов жизни на планете.

формой, а отсутствие адекватного уровня подготовки — социальной демагогией. Отсутствие знания сторон выбора в 1991 году стало причиной пассивности миллионов, сдавших из-за элементарной неготовности, свою великую трудовую державу.

Даже наши противники понимают это. «В действительности, все эти суждения и заявления, которые мы постоянно делаем, определяются лежащими в основе этическими соображениями, которые носят исключительно личный характер. Проще говоря, то, что мы выставляем как факты или мнения, является моральным выбором, который обнажила пандемия. Они созданы во имя того, что мы считаем правильным или неправильным, и поэтому определяют нас такими, какие мы есть» [8].

Поэтому мы, граждане великой страны, становящиеся все более уверенно на путь суверенного развития, должны в мотивации практических действий четко представлять, что «точка бифуркации современного технологического развития ставит человечество в положение витязя на распутье: либо решительно включить в сферу инновационного творчества, проектирования и внедрения передовых технологий принципы совести, нравственности, либо признать, что мы быстро движемся к технологическому апокалипсису, поскольку гениальная инженерия, робототехника и информатика несут не меньше опасностей, нежели атомная энергия, а в силу усложнения самой парадигмы контроля за технологиями — даже больше. В настоящее время нам позарез необходимы не просто умные, а мудрые технологии, — в них на программном уровне необходимо четко установить своего рода «нравственный кодекс», а также систему постоянно поддерживаемой обратной связи с человеческими коллективами, призванными управлять этими системами» [9, с. 58].

С этой позиции изучение процессов труда и его организации выступает главной методологической и теоретической проблемой общественнонаучного в целом и политэкономических исследований в особенности. И именно их правильное научное понимание дает возможность гражданам России сознательно выбирать и защищать свой собственный суверенный путь общественного развития.

Список литературы

1. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВладДар, 1995.
2. Тоффлер А. Футурошок. Спб.: Лань, 1997.
3. Платонов С. После коммунизма: Книга не предназначенная для печати. М.: ГПЗ, 1990.
4. Юваль Харари Ной. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
5. Карасев В.И. Трансформация категории труда в процессе становления посткапиталистической экономики // Человек труда и наука: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Новочеркасск 17–20 октября 2022 г. Ч. 2 / отв. ред. Е.А. Лазарева;

- Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2022.
6. Власов А.Н. Конституционное значение и право граждан в образовании государства и его управлении / Сборник научных, журнальных и газетных статей. Минск: издатель А.Н. Вараксин, 2013.
 7. Шваб К., Маллере Т. Великая перезагрузка – COVID-19. М.: Эксмо, 2020.
 8. Русский ковчег: Альтернативная стратегия мирового развития (коллективный труд под ред. В.В. Аверьянова) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2020. № 1.